

УДК 340.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ПРАВА

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE CONSTRUCTION OF A SYSTEM OF LAW

Е.Е. Тонков, В.С. Синенко
E.E. Tonkov, V.S. Sinenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
 Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru, sinenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется обоснованность введения в научный оборот и включения в систему права новых комплексных отраслей права, которое нередко происходит вопреки общепризнанным правилам юридической техники и принципам построения системы права. Авторы критически относятся к постоянному расширению перечня комплексных отраслей права, полагая, что они могут существовать применительно только к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. Формирование системы права в отличие от системы законодательства осуществляется по признаку предметного, а не функционального единства регулируемых отношений.

Resume. The article deals with the reasonableness of inclusion in legal science and system of law new complex branches of law. It often occurs in spite of the generally recognized principles of construction of systems of law. The authors criticize the constant increase in the number of complex branches of law, suggest that complex branches can only exist in legislation. Formation of the system of law as opposed to the system of legislation is carried out on the basis of objective and not regulated functional unity relations.

Ключевые слова: система права, система законодательства, предмет и метод отрасли права, комплексная отрасль права, формирование отраслей права.

Keywords: system of law, system of legislation, subject and method of branch of law, complex branch of law, formation of branches of law.

Существенное изменение реалий современной России последних десятилетий существенным образом влияет на все стороны нашей жизни. Это, безусловно, не может не отражаться и на отечественной правовой системе, в которой происходят существенные, а иногда и коренные, реформы. Право, даже при относительно стабильном состоянии общественных процессов, имеет динамичный характер и находится в постоянном развитии.

Система представляет собой совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Система, таким образом, характеризуется внутренними взаимоотношениями, взаимными связями между ее частями. С учетом этого, придание праву свойства системности обуславливает определение места каждого из его элементов во взаимосвязи с иными структурными частями системы права. Результатом анализа существующих подходов к пониманию основ отраслевого структурирования права становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначное представление о методологии исследования проблемы. Это расширяет для целого ряда авторов горизонты собственного представления о системе права.

Смысл и значение структурирования права состоят в том, чтобы в результате его осмысления избрать такой вариант регулирования, юридической регламентации, который бы в наиболее полной мере отвечал интересам и целям народа и законодателя, способствовал прогрессу общества. При этом требуются учет закономерностей развития общества, благоприятных объективных и субъективных условий для принятия и применения закона, а также выбор оптимальной правовой формы государственного решения.

Современные представления о системе российского права базируются на традициях советской правовой науки, в рамках которой состоялось три серьезных научных дискуссии о системе права. Так, на страницах журнала «Советское государство и право» в 30-х, 50-х и 80-х годах прошлого столетия состоялись активные и перспективные обсуждения, которые позволили выработать основы структуры права и наметить перспективы ее развития. По результатам таких дискуссий преобладающим стал подход деления права на отрасли в зависимости критериев предмета и метода правового регулирования.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что уже во второй половине XX века высказывались предложения об отказе от отраслевого деления права в силу определенной искусственности и неопределенности самих критериев такой дифференциации. Так, Ц.А. Ямпольская

сформулировала вывод о том, что отрасль права не является внутренне присущим подразделением правовой ткани. Таким подразделением, основным элементом, по ее мнению, служит норма права. Отраслей права как таковых в праве нет [Ямпольская, 1982, с. 94-95].

По мнению Р.З. Лившица, сама конструкция отрасли права оказалась недостаточно «жизнеспособной», не учитывающей динамику правового воздействия [Лившиц, 1984, с. 28].

Критика отраслевого построения права со стороны некоторых правоведов (хотя и немногих, но весьма авторитетных) наблюдается и сегодня. Высказываются мнения о том, что такая система «изжила себя» [Коваленко] или «не выдержала испытание временем» [Иванников].

В.К. Андреев определяет отраслевое строение правовой системы России как «скорее дань научной традиции, чем объективная реальность» [Андреев, 2008, с. 50-51]. При этом автором подчеркивается отсутствие «научно доказанного разграничения отрасли права как объективной категории и отрасли законодательства как производной от нее» [Андреев, 2008, с. 51].

С.П. Маврин утверждает, что «сегодня сама проблема деления права на какие-то квазисамостоятельные отрасли не актуальна, поскольку ее решение не оказывает никакого практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения» [Маврин, 2003, с. 211].

Д.М. Азми, поддерживая в целом идею о том, что «деление права на отрасли в действительности никогда не было (и не является) единственно возможным подходом к рассмотрению системы права», тем не менее, признает «практико-ориентирующее и систематизационное значение деления права на отрасли как одного из наиболее проработанных подходов в области правовой систематики» [Азми, 2014, с. 273-274].

В.Ф. Попондопуло видит в системе права только две отрасли, соответствующие частному и публичному началу. Именно частное и публичное право, по его мнению, характеризуются своими предметами и методами регулирования. Иные же структурные подразделения, которые приобрели устойчивое название отраслей права, являются не отраслями права, а отраслями законодательства [Попондопуло, 2002, с. 85, 96].

В.П. Мозолин, признавая ранее существовавшую практическую значимость деления права на отрасли, все же призывает отказаться от него: «Возможность создания единого общего понятия отрасли права оказалась утраченной. Понятие отрасли права стало настолько девальвированным, что им по существу невозможно пользоваться в практических целях (в области законодательства, правоприменительной деятельности, учебном процессе в высших юридических учебных заведениях), поэтому оно не должно применяться и при построении современной системы... права» [Мозолин, 2003, с. 107].

Очевидно, критика автора основывается на современной девальвации понятия отрасли. С этим можно было бы согласиться, однако вызывает некоторое удивление вывод об отказе от использования отраслей при построении современной системы права. Более логичным следствием девальвации отраслевого деления, по нашему мнению, является восстановление утраченного смысла, но не «отбрасывание» за ненадобностью огромного пласта теоретических работ в данной области.

Таким образом, теория отраслевого деления, хотя и доминирует, но не является абсолютно общепризнанной. В силу сказанного, полагаем необходимым, более детально обозначить значимость выделения отраслей в системе права в качестве ее основных элементов, построенных на критериях предмета и метода правового регулирования.

Ситуация, складывающаяся в последние десятилетия в правотворческой сфере, характеризуется бурным развитием законодательства. Это объясняется существенным изменением экономического базиса российского общества. Естественно, появление новых и актуализация существующих сфер социальной деятельности не может не влиять на систему права. Однако, с другой стороны, должны существовать устойчивые основы (реперные точки), в соответствии с которыми это развитие должно осуществляться. Правильно построенная система права имеет существенное значение для правоприменительной деятельности.

Отраслевая система права отображает «практико-ориентированную систематику различных юридических сведений. Ее наиболее четкое проведение позволит достичь лучшего эффекта, в том числе в направлении систематизации нормативных правовых актов» [Азми, 2014, с. 289].

Деление права на отрасли значимо не само себе, а в силу того, что это позволяет решать вопросы, имеющие практическое, а именно правоприменительное, правотворческое и педагогическое значение. Полагаем, что существующая система права в виде деления его на отдельные отрасли может оказывать существенное воздействие на правоприменение.

Сложившаяся в отечественной юридической науке отраслевого деления права как наиболее крупного элемента системы права, представляющего собой совокупность норм права, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений, сохраняет возможность достаточно легкого манипулирования категориями и понятиями в угоду якобы развитию юридической мысли. Традиционными критериями определения самостоятельности отрасли является своеобразие предмета и метода. Специфика предмета отрасли является одним из важнейших признаков, позволяющих идентифицировать отрасль в качестве самостоятельной.

В литературе практически не подвергается сомнению, что предмет отрасли права образует качественно однородный и, в силу этого, обособленный вид общественных отношений. По словам

С.С. Алексеева, «это особое качество состоит именно в том, что глубинное социально-экономическое, политическое содержание данных отношений объективно требует адекватного юридического режима регулирования, который и выделяет данную совокупность правовых институтов в главное подразделение правовой системы» [Алексеев, 1975, с. 174].

В большинстве случаев, исследователи, предлагая иные подходы к системе права, тем не менее, обращают внимание на предметное единство регулируемых общественных отношений как основание для выделения отдельных структурных частей права.

Так, В.Ф. Попондопуло справедливо обращает внимание, что именно природа регулируемых общественных отношений детерминирует выделение отдельных элементов в системе права [Попондопуло, 2002, с. 86].

Предметное единство общественных отношений характеризуется однородностью их качественных характеристик, обусловленных сложившимся в обществе социально-экономическим базисом. Наиболее наглядно это предметное единство регулируемых отношений прослеживается в отрасли гражданского права, что находит отражение в соответствующей правовой норме.

Завершая перечисление круга отношений, регулируемых гражданским законодательством, п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, нормативно формулирует их качественные характеристики, а именно «отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Эти признаки, собственно, и обуславливают предметное единство таких отношений и, как следствие, регулирующих их правовых норм. Такая качественная однородность предмета, предопределяет и единство применяемого к нему метода правового регулирования.

Построение правовой системы по признаку предметного единства регулируемых отношений позволяет сформулировать и такие нормы, которые распространяют свое действие на всю очерченную общность общественных отношений.

Н.Г. Александров подчеркивал, что «отрасль права образует только такая совокупность юридических норм, которая кроме особого метода и формы правового регулирования характеризуется также специфическими общими, принципиальными положениями для данной совокупности норм. Внешнее выражение это находит в виде выделения внутри каждой отрасли права так называемой «общей части», охватывающей общие черты содержания конкретных норм данной отрасли права. Такие общие черты в то же время будут характеризовать специфику данной отрасли права в сравнении с другими отраслями права» [Александров, 1958, с. 117-118].

Это, в свою очередь, позволяет сформулировать основополагающие начала отрасли (ее принципы), определить своеобразный понятийно-категориальный аппарат. Именно возможность выделения внутри отрасли общей части формирует возможность кодификации соответствующего законодательства, что при таком подходе является относительно объективным процессом. Поскольку, в силу признания той или иной совокупности правовых норм самостоятельной отраслью права, требуется вычленение общей части, то наиболее адекватно это возможно в рамках кодификационного акта.

Именно благодаря кодифицированному акту, «специальные нормы и институты приобретают интеллектуально-волевое единство, подчиняются известным общим принципам, понятиям и таким путем komponуются в правовые общности» [Алексеев, 1975, с. 185].

Безусловно, наличие кодифицированного законодательства является второстепенным признаком и еще не означает наличия соответствующей отрасли (например, Лесной кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Кодекс торгового мореплавания и др.). Однако само содержание общих положений кодекса (как правило, с названием «Общие положения») позволяет судить о степени обобществления нормативного материала и о возможности формирования самостоятельной отрасли права.

Весьма обстоятельно данный вопрос разрабатывался Р.О. Халфиной. Ею, в частности, точно подмечено, что «система права строится на базе научной абстракции содержания основных видов общественных отношений (предмет правового регулирования) и определяемых содержанием средств правового регулирования (метод). При этом устанавливаются основные черты данного вида общественных отношений и метода их регулирования. Это дает возможность установить общие закономерности правового регулирования конкретного вида отношений, определить соответствующие правовые средства воздействия, совершенствовать регулирование отношений в главных, определяющих чертах. Такое формирование основных отраслей права обеспечивает также внутреннее единство, взаимную согласованность регулирования того или иного вида общественных отношений во всех отдельных, частных областях их проявления» [Халфина, 1974, с. 270-271].

Таким образом, вполне уверенно можно говорить о том, что нормы отдельной отрасли права, объединенные по признаку предметного единства, способны к такой организации, которая будет иметь значение в различных областях, связанных с правом: правотворчестве, правоприменении, учебном процессе и при проведении научных исследований. Ценность отраслевого деления состоит в возможности выстраивания единого комплекса правоотношений, основанных на единых системных связях. Выявление таких связей, формирование соответствующих теоретических обобщений, правовых конструкций – процесс довольно длительный. Но только пройдя все этапы и доказав их достоверность и результативность, возможно констатировать появление новой отрасли в системе права.

А.А. Головина в рамках специализированного диссертационного исследования о критериях отраслеобразования выделяет семь этапов образования самостоятельной отрасли права. Можно

дискутировать в отношении достаточной убедительности отдельных авторских стадий этого процесса, но, безусловно, следует поддержать положение о том что в качестве обязательных этапов должны рассматриваться развитие и упрочнение системных связей между группой норм права и как следствие – выделение метанорм (правовые определения, принципы права), общей части, внутренней иерархической структуры отрасли (институтов права, подинститутов права). В результате накопления указанных выше изменений происходит диалектический скачок, переход количественных изменений в качественные – дивергенция (расхождение, размежевание) системных связей «дочерней» отрасли права с «материнской» [Головина, 2012, с. 13-14].

Именно наличие системных связей между нормами отдельной отрасли, обуславливающих выделение общей части (общих положений), специфических принципов, свидетельствует о формировании самостоятельной отрасли права.

Мы полагаем, что отраслевая модель отнюдь не изжила себя и (при всех недостатках, на которые справедливо обращается внимание в правовых исследованиях) способна оказывать положительное воздействие на правовые процессы. На наш взгляд, это лучшее, что смогло предложить научное сообщество в решении анализируемой проблемы, хотя, отчасти, и можно согласиться с утверждением, что «деление права на отрасли не должно рассматриваться как безусловно достоверное, оно носит в большей мере ориентирующий, а не абсолютный характер» [Азми, 2014, с. 351-352].

Отдельно считаем возможным обратить внимание на наше понимание соотношения правовых категорий «право» и «законодательства», а также производных от них: «система права» и «система законодательства». Если право в целом традиционно рассматривается как организованная определенным образом совокупность правовых норм, то законодательство представляет собой совокупность находящихся в соответствующей взаимосвязи нормативных актов. Взаимосвязь между данными явлениями бесспорна. В наиболее обобщенном виде эта связь характеризуется соотношением содержания и формы, где законодательство предстает внешней формой выражения права.

По мнению С.В. Полениной, «необходимость глубокого и всестороннего изучения системы права определяется не только их бесспорной теоретической значимостью, но и тем, что их разработка служит предпосылкой решения многих вопросов системы законодательства, исследование которой в свою очередь необходимо для организации нормотворческой деятельности на научной основе» [Поленина, 1975, с. 71].

Современное состояние правового регулирования общественных отношений характеризуется недостаточным вниманием к единым методологическим подходам в построении системы права и создания целостной и непротиворечивой нормативной основы. Вполне актуально применительно к сегодняшним реалиям звучат слова О.А. Красавчикова, который в числе особенностей современного развития нашей правовой системы называл потребность «не столько наращивать количественную сторону законодательного арсенала, сколько поднять качественные параметры взаимосвязи многочисленных действующих узаконений. Иначе говоря, необходима научно обоснованная систематизация обширного нормативного материала ...» [Красавчиков, 1975, с. 62].

Нормотворчество должно основываться на определенной системе права, которая постоянно находится в поле зрения исследователей. Если изначально основой отрасли законодательства считалась соответствующая ей отрасль права, то уже в 60-х годах прошлого столетия стала продвигаться идея о том, что основой отрасли законодательства может быть как отрасль права, так и отрасль деятельности государства, отрасль государственного управления, социально-культурной жизни общества и др. [Мицкевич, 1967, с. 19].

Причем такой подход находил, да и сейчас имеет свое отражение в нормативных актах. Так, в 1993 году Указом Президента РФ от 16.12.1993 № 2171 был утвержден «Общеправовой классификатор отраслей законодательства». Были выделены следующие отрасли: «Основы конституционного строя», «Гражданское законодательство», «Законодательство о браке и семье», «Законодательство о труде», «Законодательство о социальном страховании и социальном обеспечении», «Законодательство по общим вопросам хозяйственной деятельности», «Законодательство о промышленности», «Законодательство о строительстве» и др. В 2000 году вышеуказанный нормативный акт утратил силу в связи с утверждением «Классификатора правовых актов» [Указ Президента РФ от 15.03.2000 №511]. Несмотря на отказ от нормативного использования категории «отрасль законодательства», сущность и назначение Классификатора осталась прежней – группировка нормативных актов в зависимости от видов и направлений деятельности государства.

Д.Е. Петров, определяя критерии классификации отраслей законодательства, справедливо подмечает, что «системообразующим фактором межотраслевой ... интеграции выступают основные направления деятельности государства, то есть его функции, в соответствии с которыми группируется нормативный материал ... Направления правотворческой деятельности по мере накопления нормотворческого материала как ее результата, образует соответствующую отрасль законодательства» [Петров, 2015, с. 283-284].

Отрасли законодательства, таким образом, формируются в отношении отдельных направлений государственного регулирования. Вследствие этого, в состав одной отрасли законодательства включаются разные по отраслевой природе нормы права. Это делается для того, чтобы учесть существующие взаимосвязи между разнородными общественными отношениями.

В аспекте тематики данной статьи интересен характер таких связей между нормативными предписаниями правовых актов, образующих отрасль законодательства. Полагаем, что это качественно иной тип связи, нежели обнаруживаемый между нормами отдельной отрасли права. Обобществление норм внутри отрасли законодательства осуществляется на признаке функционального единства, то есть направленности на урегулирование отдельной сферы жизнедеятельности. Этим объясняется комплексность большинства нормативных актов, поскольку в регулировании отдельной сферы общественной жизни, как правило, оказывается задействованным весь арсенал имеющихся средств правового воздействия.

Правовое регулирование общественных отношений, входящих в сферу государственно-властной деятельности, обеспечивает решение задач, стоящих перед государством. Правотворчество, являясь процессом создания правовых норм, получающих закрепление в законах и подзаконных нормативных правовых актах, определяет тот объем и те виды правовых средств, использование которых закладывает режим оптимальности как самого правотворчества, так и других юридических форм государственно-властной деятельности, определяет восприятие нормативной базы правового регулирования, ее доступность массовому сознанию людей, удобство в поиске нормативной информации и использование правовых установлений для достижения оптимального соотношения личного блага и интересов государства. Вследствие этого, в состав нормативного акта, относящегося к той или иной отрасли законодательства, практически всегда включаются нормы различных отраслей права.

Система права и система законодательства выстраиваются по разным критериям. Система права основывается на качественной однородности отношений, регулируемых самостоятельными отраслями права (предметное единство), система же законодательства учитывает практическую целесообразность обобществления норм по признаку направленности правового воздействия на отдельные сферы общественной жизни (функциональное единство). Это детерминирует отличия в характере взаимосвязи между элементами таких систем. Именно такой подход позволяет, с одной стороны, выявить необходимую взаимосвязь между отраслями права и отраслями законодательства, но, с другой стороны, провести между ними и должную дифференциацию. О различиях характера взаимосвязей правовых норм и институтов, основанных на предметном и функциональном единстве, говорил еще О.А. Красавчиков [Красавчиков, 1975, с. 69-70], однако эти идеи в дальнейшем развитии правовой науки концептуального развития не получили.

По нашему мнению, отмечавшаяся ранее девальвация понятия отраслей права произошла вследствие недостаточного разграничения, а иногда, и отождествления понятий «право» и «законодательство». Вследствие этого, наблюдается успешное и поверхностное отношение к формированию «новых» отраслей права. В большинстве случаев такие «новые» отрасли выделяются по критерию функционального единства и поэтому включают в свой состав нормы различных традиционных отраслей права. Для устранения этого противоречия выделяемые «новые» отрасли с легкой руки В.К Райхера [Райхер, 1947] объявляются комплексными.

В период начала обсуждения вопросов природы комплексных отраслей в 40-х – 50-х годах прошлого столетия к таковым относился достаточно ограниченный перечень нормативных общностей, а именно: транспортное право, морское право, страховое право, банковское право и некоторые другие. Сегодня с уверенностью можно говорить обо все возрастающей тенденции к объявлению комплексными отраслями отдельных структурных подразделений российского права.

Так, например, выделяются: исправительно-лечебное право [Гришко, 1992, с. 43-48], физкультурно-спортивное или просто спортивное право [Алексеев, 2001, с. 60-74], профсоюзное право [Сенников, 2000, с. 82-92], служебное право [Дякина, 2001], ювенальное право [Анисимов и др., 2005], регистрационное право [Кирсанов, 2001, с. 60-66], инновационное право [Ефимцева, 2014], муниципальное право [Соловьев, 2011, с. 17-20], медицинское право [Труханова, 2011, с. 7-12; Литовка и др., 2000, с. 80-83] и многие другие. Высказываются мнения о появлении даже комплексной «мегаотрасли» – экономическое право [Ершов и др., 2015, с. 5-16].

А.А. Головина в рамках специального исследования о критериях отраслеобразования насчитывает уже около шестидесяти «новых» комплексных отраслей права [Головина, 2012, с. 3].

По наблюдению Н.М. Добрынина, «сегодня весьма редко можно встретить какую-либо кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, в которой не подвергался бы ревизии вопрос об отраслевой принадлежности исследуемых в ней правовых норм, институтов и отношений» [Добрынин, 2015, с. 29]. «Получается так, что как только исследователь обнаружит ту или иную форму связи, тот или иной момент взаимодействия норм (правовых институтов) различных отраслей права, он тут же спешит объявить об обнаружении «новой» отрасли права или отрасли законодательства» [Красавчиков, 1975, с. 63]. Данная мысль, высказанная О.А. Красавчиковым еще в 1975 г. особенно актуальна применительно к сегодняшней ситуации, складывающейся в научной и правотворческой деятельности.

Наглядным примером сказанного является следующее утверждение: «В условиях современного развития фармацевтической промышленности, социальной значимости медицинских препаратов, множественности нормативно-правовых актов, регулирующих этот вид деятельности, в условиях российской правовой системы возможно выделение фармацевтического права. Именно фармацевтического, но не фармацевтического уголовного права. Вполне правомерно выделять морское право, спортивное право и международное спортивное право. В составе последнего можно выделить инсти-

тут международного олимпийского права. ... В последние двадцать лет в России стремительными темпами стало развиваться медицинское право. ... Давно уже назрела необходимость принятия Медицинского кодекса, который вобрал бы в себя нормы права, рассредоточенные ныне в гражданском, трудовом, семейном, административном и других отраслях права» [Иванников].

Причем автор на основе этих и аналогичных аргументов формулирует вывод о том, что выделение таких универсальных критериев отраслей права как предмет и метод «не выдержали испытания временем, являются формализованными и мешают развитию науки об отраслях права» [Иванников]. Согласиться с таким подходом, полагаем, затруднительно. Развитие определенной сферы жизнедеятельности, ее социальная значимость, множественность нормативных актов, регулирующих данную сферу, никак не могут быть положены в основу системы права (именно права, но не законодательства, система которого, действительно, может полагаться на данных критериях).

«Существование комплексных отраслей законодательства, связанное с целесообразностью создания наряду с отраслевыми комплексных кодексов и других нормативных актов, нередко приводит исследователей к неверному выводу о существовании комплексных отраслей права» [Петров, 2015, с. 285].

К обоснованию новых отраслей права и введению их в научный оборот следует относиться весьма осторожно, соблюдать признанные каноны юридической техники.

Неоднозначность подходов даже в отношении необходимости сохранения отраслей права как правовой категории и критериев отраслеобразования, во многом, обусловлена отсутствием четкости и однозначности понятийного аппарата, что является критически важной составляющей любых наук. В сфере права необходимость использования единой терминологии в нормативных актах практически очевидна и в дополнительных доказательствах не нуждается. Однако в сфере научных теоретических обобщений, зачастую наблюдается отсутствие единых подходов в понятиях, которое, в свою очередь, не позволяет проводить конструктивную дискуссию в отношении правовых явлений. Это особенно актуально, когда речь идет о достаточно высокой степени научных обобщений, в частности, проблем системы права и системы законодательства. Поэтому, определяя место комплексных образований в соответствующей системе, необходимо кратко осветить историю данного вопроса.

Впервые правовая категория – «комплексная отрасль права» была обозначена профессором В.К. Райхером. Анализируя вопросы страхования, им было высказано предложение о необходимости различать две категории отраслей: основные и комплексные [Райхер, 1947, с. 190]. Оно сопровождалось комментарием о том, что комплексная отрасль должна соответствовать трем условиям: «Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватно определенному, специфическому кругу общественных отношений, т.е. имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а, следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений, должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующий такую совокупность нормативно-правовой материал должен обладать достаточно обширным объемом» [Рубанова, 2010, с. 189-190].

Рассматривая данную идею как плодотворную, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский отмечали, что «для правильного проведения систематики действующего законодательства понятие комплексных отраслей является чрезвычайно важным» [Иоффе, Шаргородский, 1961, с. 361-362]. В то же время они категорически возражали против включения комплексных отраслей в систему права.

Полезность идеи комплексности отдельных отраслей отмечал и Ю.К. Толстой, но также утверждал, что «комплексные отрасли права, в отличие от основных никакого места в системе права не занимают, а им отводится лишь условное место в зависимости от целей систематизации при систематике норм» [Толстой, 1957, с. 42-55].

Определенную трансформацию в отношении необходимости выделения комплексных отраслей претерпели взгляды С.С. Алексеева. В начале 1960-х годов данная идея им отвергалась: «Если оставаться в пределах фактов реальной действительности, если, следовательно, не заниматься произвольным конструированием комплексных отраслей, то нельзя не признать, что все те совокупности норм, которые в литературе причислялись к комплексным отраслям (транспортное право, морское право, страховое право и др.), на самом деле не являются подразделениями объективно существующей системы права. Все они относятся к отраслям законодательства, либо к отраслям правовой науки» [Алексеев, 1961, с. 93-101]. Однако в дальнейшем его подходы к решению данного вопроса существенно изменились. Он констатировал, что отрасли в правовой системе могут занимать и действительно занимают различное положение. Комплексные отрасли в отличие от основных (профилирующих) рассматриваются им в качестве вторичных или производных образований [Алексеев, 1975, с. 184-185]. Происходит «своеобразное явление – удвоение структуры права» [Алексеев, 1975, с. 28]. При этом «юридические особенности специальных норм, входящих в комплексную отрасль, как бы распределены «по двум адресам». По своим главным показателям (методу и механизму регулирования) они относятся к той или иной основной отрасли, подчиняются ее общим нормам, принципам, положениям» [Алексеев, 1975, с. 186].

Решительным противником комплексных отраслей права в советской науке выступил О.А. Красавчиков. По его мнению, «прилагательное» – «комплексная» – не должно менять сути «существительного» – отрасли. Двузначность термина «отрасль» создает совершенно неправильное

представление, будто комплексное (сформированное по субъективным соображениям) собрание текстов правовых норм, хотя и не самостоятельная («основная»), но тем не менее комплексная отрасль» [Красавчиков, 1975, с. 65]. Комплексные отрасли, по его мнению, есть не что иное, как «субъективно сформированные группы норм права, принадлежавших отдельным отраслям системы права» [Красавчиков, 2005, с. 374]. Логическим следствием подобных воззрений явилось непризнание какого-либо места для этих образований в системе права. Ставя вопрос о том, в какую же систему входят «комплексные отрасли права» О.А. Красавчиков констатирует: «Практически ни в какую. Они занимают «условное» место не в системе права, а в систематике (т.е. произвольной подборке правовых норм), проводимой в зависимости от целей систематизации, которая может осуществляться, исходя из тех или других научных, педагогических или практических соображений. Указанные соображения, равно как и цели, которые ставят ученый, педагог или практик в процессе определенной систематизации норм, суть явления субъективные. Система же права складывается объективно» [Красавчиков, 2005, 374]. Такой взгляд поддержал С.Н. Братусь, по мнению которого «комплексных отраслей права не существует, ибо каждая отрасль права соответствует определенному – виду общественных отношений; можно говорить лишь о комплексных нормативных актах, комплексной систематизации нормативного материала и ... комплексных правовых учебных дисциплинах либо даже о комплексных юридических науках» [Братусь, 1963, с. 121]. Схожие мысли высказывала и Р.О. Халфина [Халфина, 1974, с. 270], говоря о том, что «в действительности речь идет об объединении норм различных отраслей права, регулирующих определенную группу отношений. Но объединение норм по такому признаку, зачастую полезное, или даже необходимое, ни в какой мере не означает создания отрасли права». Критично к идее комплексности отраслей права отнеслись И.В. Павлов [Павлов, 1958, с. 3-18], Д.А. Керимов [Керимов, 1972, с. 299], С.В. Поленина [Поленина, 1975, с. 75] и некоторые иные правоведы. В целом можно говорить о преобладании негативного отношения в советской науке к обозначенному вопросу.

Взгляды большинства современных представителей правовой науки, напротив, весьма благожелательны к таким отраслям. Образно говоря, комплексные отрасли получили «свое второе рождение». Выше уже отмечалась тенденция к выделению все новых и новых комплексных отраслей права. Авторы, которые все же пытаются определить их место в системе права, неизбежно в той или иной форме повторяют мысли С.С. Алексеева об «удвоении структуры права». Например, А.Ю. Коваленко призывает отказаться от «линейного принципа их рассмотрения, что на сегодняшний день является уже нецелесообразным, так как данная система изжила себя и требует коренного пересмотра» [Коваленко]. «Линейному построению», по его мнению, противостоит «объемная взаимосвязь правовых отраслей» [Коваленко]. Именно теория «удвоения структуры права» приводит к тому, что для объявления «новой», хотя и комплексной отрасли права, необходимо, всего лишь, консолидировать нормы различных основных отраслей права в отношении определенного вида жизнедеятельности. Так, например, Н.А. Рубанова, определяя медицинское право как комплексную отрасль права, говорит, что «конституционное право закрепляет право на охрану здоровья, нормы административного права предусматривают порядок допуска к медицинской деятельности, устанавливают административную ответственность за нарушения санитарно-гигиенических норм, за незаконный оборот наркотиков и др. Рабочее время, время отдыха, охрану труда обеспечивает трудовое право. Гражданское право определяет порядок предоставления платных медицинских услуг, нормы о возмещении вреда, причиненного здоровью. Уголовный кодекс содержит нормы, устанавливающие ответственность за преступления против жизни и здоровья. Семейное право направлено на охрану репродуктивного здоровья, обеспечение генетической безопасности. Жилищное право предусматривает предоставление дополнительной жилой площади лицам, страдающими определенными заболеваниями» [Рубанова, 2010, с. 86-88].

Относясь критически к существованию комплексных отраслей права, нельзя не признавать справедливость утверждения о том, что «существование комплексных правовых общностей – это объективный факт!» [Алексеев, 1972, с. 144]. В.Д. Рузанова, поддерживая данную идею, пишет: «Спор о названии комплексных образований мы не считаем принципиальным, главное, что они существуют» [Рузанова, 2013, с. 220]. Полагаем, следует согласиться с фактом существования комплексных общностей. В то же время, как раз таки принципиальна точка их приложения, что, в том числе, должно отражаться и в их наименовании. Считаем, что они могут существовать применительно только к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. Вследствие этого, такие «правовые общности» не стоит возводить в ранг отрасли права, пусть даже и комплексной. Идея комплексности может быть свойственна не только отраслям законодательства, но также и учебным дисциплинам. Образовательные цели вполне могут обуславливать комплексное восприятие правового регулирования общественных отношений применительно к отдельному направлению деятельности. Более того, как в свое время отмечал О.А. Красавчиков, необходимо не только признавать, но и всячески поощрять комплексные научные исследования [Красавчиков, 2005, с. 376].

Один из главных идеологов теории комплексных отраслей права С.С. Алексеев объясняет причины формирования таких отраслей. По его мнению, это «сопряжено с обособлением комплексных областей законодательства. Внешним выражением существования комплексных (специализированных) отраслей и является наличие так или иначе обособленных нормативных ак-

тов, содержащих специальные нормы, некоторые общие принципы и положения, отдельные специфические приемы регулирования» [Алексеев, 1975, с. 145].

Подобные взгляды имеют своей основой идею единства внутреннего содержания и внешней формы, а именно системы права и системы законодательства. С.С. Алексеев в этом отношении пишет: «... структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней формой права – с системой законодательства, внутренними подразделениями в нормативных актах» [Алексеев, 1975, с. 58-59]. Система права, конечно, связана с системой законодательства.

Например, основные отрасли, как правило, имеют свой кодификационный нормативный акт в виде кодекса. Законодательство отчасти также оказывает воздействие на отраслевую систему права. В этой связи, полагаем, автор преувеличивает влияние системы законодательства на систему права. Не стоит детерминировать сложнейшие аспекты права действиями законодателя, который, зачастую, выстраивает законодательство в отрыве от общих представлений системы права. Да и не стоит приводить систему законодательства в «точное соответствие» с системой права. Это не совпадающие правовые явления. Также и на основе утверждения о том, что «законодатель путем изменения состава нормативных актов, той или иной компоновки нормативного материала внутри нормативных актов может воздействовать на саму структуру права» [Алексеев, 1971, с. 44-45] делать выводы о появлении «новых» отраслей права было бы преждевременно.

Законодательная деятельность, хотя и должна учитывать основные посылы разработанной системы права, в то же время имеет свои соображения, обусловленные практической целесообразностью и удобством правоприменения. Следствием этого является появление комплексных нормативных актов, в которых содержатся нормы различной отраслевой принадлежности. Более того, даже не признаваемые комплексными нормативные акты могут включать в себя отдельные «вкрапления» норм иных отраслей.

Так, например, Гражданский кодекс РФ, бесспорно признаваемый в качестве гражданско-правового акта, содержит в себе и нормы публичного (в частности, процессуального) права. Одним из наиболее показательных примеров является норма о последствиях нарушения законодательно-го требования о соблюдении простой письменной формы сделок. Согласно п. 1 ст. 162 ГК РФ, несоблюдение данного требования лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания. Данная норма, безусловно, является процессуальной, однако расположена в акте гражданско-правового характера в силу удобства правоприменения. Действительно, правило о форме сделок с позиции формальной логики должно сопровождаться указанием на последствия несоблюдения данного правила. Но месторасположение нормы о последствиях не лишает ее процессуальной природы, в соответствии с которой, она определяет одно из правил допустимости доказательств в гражданском процессе.

Такой подход объясним тем, что деятельность законодателя обычно направлена на наиболее полное урегулирование отношений в определенной сфере жизнедеятельности (особенно когда речь идет об отдельных некодифицированных актах) и, в силу этого, «мало озабочен отраслевой принадлежностью принимаемых им нормативных актов» [Гражданское право, 1998, с. 62]. Как уже отмечалось выше, такие общности объединены признаком функционального единства, который сущностно отличается от предметного, характерного при выделении отраслей права. Отсутствием предметного единства между нормами комплексного образования объясняется и то, что они лишены «главных черт юридического своеобразия – «своего» метода и механизма регулирования» [Алексеев, 1972, с. 144].

Так называемое «удвоение структуры права» или «наслаивание» комплексных отраслей над основными является ничем иным, как попыткой объединить нормы различной отраслевой принадлежности по функциональному признаку. Если допустить в системе права такое «удваивание» при конструировании комплексных отраслей, то при анализе природы предмета некоторых из них обнаруживается и «утраивание» и даже большая кратность умножения.

Например, при определении соотношения между собой земельного, экологического и природоресурсного права может обнаружиться перекрещивание или «наслаивание» этих отраслей друг на друга. И это, даже не считая того, что данные правовые образования, являясь комплексными, включают в свой состав нормы гражданского, административного и иных основных отраслей права. При таком нагромождении, конечно, выхолащивается изначальный смысл отраслевого деления системы права, что приводит к девальвации самой идеи.

В этом отношении стоит обратить внимание на, видимо, самую объемную комплексную отрасль, выделяемую на сегодняшний день – экономическое право. Авторы такой отрасли, понимая глобальность предлагаемого образования, именуют ее «мегаотраслью» [Ершов и др., 2015, с. 5-16], и рассматривают в качестве «микромодели системы российского права» [Ашмарина]. Данная, комплексная «мегаотрасль», по замыслу авторов, аккумулирует нормы многих различных отраслей российского права, а именно: конституционного, международного публичного, административного, финансового, уголовного, экологического, предпринимательского, трудового [Ершов и др., 2015, с. 16]. Обращает на себя внимание, что некоторые из заявленных составляющих экономическое право отраслей, сами по себе, являются комплексными образованиями, например: экологическое, предпринимательское.

Экономическое право, по мнению ее авторов, «это собирательная комплексная мегаотрасль, требующая официального признания (по аналогии с зарубежными странами) и имеющая огромное практическое значение» [Ершов и др., 2014, с. 63]. В качестве одного из подтверждений данному выводу отмечается, что «в Верховном Суде РФ создается судебная коллегия по экономическим спорам» [Ершов и др., 2014, с. 63]. В этом отношении, можно отметить, что такая коллегия создается не в силу осознания значимости экономических отношений, но является следствием упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ. Он до недавнего времени возглавлял систему арбитражных судов, осуществляющих правосудие в экономической сфере. В силу сказанного, создание коллегии не означает усиления государственного внимания к экономическому правосудию. Тенденция к унификации в области частного судопроизводства, выразившаяся в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Концепция ...], свидетельствует, скорее, об обратном. Но главное, не в степени важности экономических отношений, роль которых в современном обществе велика и, даже, имеет лидирующее значение. Для каких целей обособляется данное структурное подразделение российского права, в чем его значимость?

По мнению Е.М. Ашмариной и Г.Ф. Ручкиной, она состоит в том, что «является полезным и необходимым мероприятием, поскольку предполагает как оптимизацию правоприменения в соответствующих сегментах экономической деятельности, так и усовершенствование правотворчества в перспективе. Именно в этом видится целесообразность выведения экономического права в качестве самостоятельной отрасли права» [Ашмарина, Ручкина, 2012, с. 58].

Не отрицая полезности в системном взгляде на экономические отношения и их регулирование в целом, квалификация экономического права в качестве отрасли права способна «затмить» собой складывающуюся систему правовых связей. Выделение общей части экономического права (если это вообще возможно) будет происходить на столь высоком уровне обобщения, что практическое значение сведется к минимуму. Такая глобализация, равно как и тенденция к все более дробной отраслевой дифференциации российского права (появление спортивного права, военного права, энергетического и т. д.) нам представляется бесперспективной и выхолащивающей содержание юридической науки.

Обоснование необходимости введения в качестве мегаотрасли российского права – экономического права, на наш взгляд, следует признать не совсем удачной попыткой объяснить неизвестное через еще более неизвестное (*ignotum per ignotius*). Продвигаясь достаточно стремительно по такому пути, можно до бесконечности увеличивать число отраслей права, награждая их различными «мега» или «квази» титулами для пущей важности.

Объясняя природу комплексных отраслей права и их место в системе права, апологеты данной теории, неизбежно пытаются представить право в виде сложной структуры, которая не ограничивается линейным (двумерным) измерением. Это является следствием того «удвоения», о котором говорил еще С.С. Алексеев. Причем сам он писал, что «система права представляет собой сложную иерархическую структуру ... своеобразную пирамиду» в основании которой находятся комплексные отрасли права [Алексеев, 1972, с. 146]. А.Ю. Коваленко, говоря о том, что комплексные отрасли являются механизмом образования новых конфигураций права, констатирует: «Система права – не линейная, а объемная взаимосвязь составляющих ее отраслей, которая находится в постоянном движении и изменении» [Коваленко].

Иногда утверждается, что комплексная отрасль включается в систему права и «занимает соответствующее место, определяемое перекрещиванием структуры данной комплексной отрасли со структурами основных отраслей и зависящее от иерархии названных структур» [Тосунян и др., 1999, с. 22].

В.Д. Рузанова, в свою очередь, рассматривает системы права и систему законодательства «в качестве полимерных структур», что проявляется «в наличии в ее системе первичной – отраслевой структуры и вторичной – комплексной структуры» [Рузанова, 2013, с. 220].

Данное суждение интересно еще и тем, что признавая наличие комплексных образований, автор, тем не менее, противопоставляет «отраслевое» «комплексному». В этой связи, можно поддержать Д.Е. Петрова, который пишет, что «категории «отраслевое» и «комплексное» регулирование – взаимоисключающие, противоположные по значению, как белое и черное» [Петров, 2015, с. 295].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство сторонников комплексных отраслей права признают принадлежность нормативного материала таких правовых образований различным основным (профилирующим) отраслям. В то же время настаивают на системном единстве этих разноотраслевых норм. Возможно, а, скорее и действительно, можно обнаружить между нормами комплексных образований взаимные связи, но они, как утверждалось выше, принципиально иного характера.

Безусловно, не стоит канонизировать линейное отраслевое деление. Новый взгляд на устоявшиеся вещи зачастую позволяет выявить ранее не известное знание. Но в нашем случае, концепция комплексности затрудняет реализацию изначально заложенного смысла отраслевой системы права. Объединение правовых норм по признаку комплексности не дает того положительного эффекта, который может быть достигнут при сохранении традиционной отраслевой системы права, основанной на предметном единстве регулируемых отношений и построенной по линейному принципу.

Думается, стоит согласиться с мнением Р.О. Халфиной, что «попытки конструирования бесчисленных новых «отраслей права» ведут к размыванию системы, к излишней дифференциации

правового регулирования, ослаблению связей внутри системы права. Совершенствование всей системы правового регулирования предполагает развитие отраслей права, регулирующих основные виды общественных отношений и развитие правовых форм регулирования отношений в отдельных областях жизни общества путем применения (с детализацией в необходимых случаях) норм отдельных отраслей права с учетом специфики каждой из них» [Халфина, 1974, с. 272]. Даже один из наиболее последовательных сторонников теории выделения в системе права комплексных отраслей признает: «комплексные отрасли ... являются правовыми общностями, менее прочными, менее объективированными, чем профилирующие и другие основные отрасли, образующие главные подразделения правовой системы» [Алексеев, 1972, с. 146].

Выявление объемной взаимосвязи структурных частей права в известной степени усложняет его понимание. Но главное – не в сложности осознания. Если бы с этих позиций достигались весьма существенные цели, значимые для правоприменительной деятельности, то в не зависимости от сложности спорной правовой материи, ее следовало бы поддержать. Сегодняшнее состояние правовой науки позволяет сказать, что внедрение комплексности в систему права не только не придает ей новые полезные качества, но, наоборот, «заслоняет» уже известные, апробированные и полезные понятия и категории юридической науки.

В этом отношении можно обратить внимание на то, что и в советской, и в российской правовой науке высказывались суждения о неоправданном усложнении теории отраслевого деления понятием комплексности. Так, в качестве основной, можно привести цитату О.А. Красавчикова, который еще в 60-70-х годах прошлого столетия отмечал: «Соображения о существовании «комплексных отраслей» права (равно и законодательства) основаны на недоразумении ... Это ведет к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем. В конечном же счете данная концепция практически снимает научное исследование системы права и системы законодательства» [Красавчиков, 1975, с. 65].

Д.М. Азми уже в современном исчислении высказывает аналогичное суждение: «Выделение комплексных отраслей права усложняет и так не всегда простой процесс разграничения отраслей, подотраслей и институтов права. Все это чрезмерно усложняет отраслевую модель, делает ее состав и строение крайне неоднозначными и далеко не во всем понятными как для теоретиков, так и для практиков» [Азми, 2014, с. 313].

Полагаем, что представление системы права в качестве «объемной взаимосвязи» ее отраслей с «перекрещиванием структуры», действительно, существенно усложняет процесс понимания, а главное, практического применения систематики права. Еще в XIV веке Уильям Оккам сформулировал методологический принцип, согласно которому «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»). Это указание на то, что не надо прибегать к сложным объяснениям там, где вполне годятся простые. Крайней необходимости в теории «наслоения» комплексных отраслей над основными нет, по крайней мере, с позиции сегодняшнего состояния правовой науки и практики. Тем более, что представление системы права в качестве объемной структуры есть не что иное, как попытка обобщить явление на основе различных методологических подходов.

Тенденция к усложнению линейной системы права имеет негативный характер. Вплоть до сегодняшнего дня ведутся споры о критериях дифференциации основных отраслей российского права, что говорит об отсутствии общепризнанной градации основных структурных подразделений права. С учетом этого, когда на данном не вполне устойчивом фундаменте, мы пытаемся выстроить «объемную» систему права с «перекрещивающейся структурой комплексных отраслей» полезного и прочного здания получиться не может по определению.

Идея комплексных отраслей права способствует «размыванию» системы права, а вслед за этим, правовой науки и юридической практики. Не отрицая в качестве одной из целей науки способствование совершенствованию юридической практики, нельзя подменять систему внятных терминов и определений попытками внести неоправданную сумятицу в устоявшийся понятийный аппарат юриспруденции, оправдывая это благими намерениями. Право должно оставаться относительно неизменным ядром на основе которого можно базировать и систему законодательства, обладающей более динамичным характером и зависящей от степени важности тех или иных сфер жизнедеятельности. В сфере законодательства выделение комплексных образований (включая и отрасли) можно поддержать, поскольку это облегчает процесс систематизации нормативных правовых актов.

Однако даже в отношении законодательства еще в советской правовой науке высказывалась позиция о том, что «развитие комплексных областей законодательства, удобное с позиции отражения актуальных для юридической регламентации вопросов, влечет за собой негативный момент как размывание отраслевого законодательства. Это затрудняет реализацию права» [Егоров, 1982, с. 55]. Возможно, применительно к советскому законодательству, это было справедливо, но в сегодняшних условиях бурного развития нормативной сферы без систематизации по функциональному принципу не обойтись.

Процесс структурирования права, классификации, разграничения отраслей – дело крайне ответственное. Он должен включать не только выявление их отличительных признаков, но и установление тех особенностей, которые ни при каких условиях не дают возможность их объединить в

совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. В противном случае, многие «новые» отрасли права, хотя и будут содержать юридические характеристики различных явлений действительности, но фактически являться не только смежными, но и обладать весьма заметным сходством между собой (как это и происходит на самом деле), особенно в условиях существенного возрастания объема нормативного материала и нередкого отсутствия его согласованности.

В современных условиях, полагаем, необходимо сосредоточить внимание на изучении специфики отдельных отраслей права в линейном его измерении, не усложняя, по меткому замечанию О.А. Красавчикова, и без того сложного явления. Выявление системных связей, формулирование теоретических обобщений, устранение противоречивости норм внутри одной отрасли права и т.п. – должны быть первоочередными задачами современной правовой науки. Именно это и будет способствовать целям повышения эффективности правоприменения.

Список литературы References

1. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 392 с.
Azmi D.M. Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podhody i reshenija. M.: Justicinform, 2014. 392 s. (in Russian)
2. Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. №6. С. 117-123.
Aleksandrov N.G. O meste trudovogo i kolhoznogo prava v sisteme sovetskogo socialisticheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1958. №6. S. 117-123. (in Russian)
3. Алексеев С. Физкультурно-спортивное право как новая комплексная отрасль российского права // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2001. №38. С. 60-74.
Alekseev S. Fizkul'turno-sportivnoe pravo kak novaja kompleksnaja otrasl' rossijskogo prava // Pravo i zhizn'. Nezavisimyj pravovoj zhurnal. 2001. №38. S. 60-74. (in Russian)
4. Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Советское государство и право. 1971. №3. С. 44-45.
Alekseev S.S. Obshheteoreticheskie principy issledovaniya struktury prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. №3. S. 44-45. (in Russian)
5. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат, 1961. 187 с.
Alekseev S.S. Obshhie teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo prava. M.: Gosjurizdat, 1961. 187 s. (in Russian)
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций Т. 1. Свердловск: СЮИ, 1972. 395 с.
Alekseev S.S. Problemy teorii prava. Kurs lekcij T. 1. Sverdlovsk: SJuI, 1972. 395 s. (in Russian)
7. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M.: Juridicheskaja literatura, 1975. 264 s. (in Russian)
8. Андреев В.К. К разработке новой редакции части первой ГК РФ // Хозяйство и право. 2008. № 10. С. 50-55.
Andreev V.K. K razrabotke novoj redakcii chasti pervoj GK RF // Hozjajstvo i pravo. 2008. № 10. S. 50-55. (in Russian)
9. Ашмарина Е.М. Экономическое право как микро модель системы российского права [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.law-journal.ru/files/pdf/201506/201506_7.pdf
Ashmarina E.M. Jekonomicheskoe pravo kak mikromodel' sistemy rossijskogo prava [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.law-journal.ru/files/pdf/201506/201506_7.pdf (in Russian)
10. Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и структура, источники правового регулирования) // Государство и право. 2012. №8. С. 57-65.
Ashmarina E.M., Ruchkina G.F. Jekonomicheskoe pravo Rossijskoj Federacii (predmet i metod, sistema i struktura, istochniki pravovogo regulirovanija) // Gosudarstvo i pravo. 2012. №8. S. 57-65. (in Russian)
11. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 196 с.
Bratus' S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. M.: Gosjurizdat, 1963. 196 s. (in Russian)
12. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права. Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2012. 34 с. (in Russian)
Golovina A.A. Kriterii obrazovaniya samostojatel'nyh otraslej v sisteme rossijskogo prava. Avtoref. dis. ... k.ju.n. M., 2012. 34 s.
13. Гражданское право. Учебник. Т. 1. 2-е изд. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. 816 с.
Grazhdanskoe pravo. Uchebnik. T. 1. 2-e izd. / Otв. red. E.A. Suhanov. M., 1998. 816 s. (in Russian)
14. Гришко А.Я. Исправительно-лечебное право - новая отрасль права // Проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний: Материалы секции научно-практической конференции "Человек: преступление и наказание", состоявшейся в РВИИ МВД РФ 25-26 марта 1992 г. Рязань: Изд-во РВИИ МВД РФ, 1992.
Grishko A.Ja. Ispravitel'no-lechebnoe pravo - novaja otrasl' prava // Problemy sovershenstvovaniya ispolnenija ugovolnyh nakazanij: Materialy sekcii nauchno-prakticheskoi konferencii "Chelovek: prestuplenie i nakazanie", sostojavshejsja v RVSh MVD RF 25 - 26 marta 1992 g. Rjazan': Izd-vo RVSh MVD RF, 1992. (in Russian)
15. Добрынин Н.М. К вопросу о политико-правовой модернизации в государстве // Государство и право. 2015. № 8. С. 23-31.
Dobrynin N.M. K voprosu o politiko-pravovoj modernizacii v gosudarstve // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 8. S. 23-31. (in Russian)

16. Дякина И.А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 38 с.
Djakina I.A. Sluzhebnoe pravo kak kompleksnaja otrasl' prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rostov n/D., 2007. 38 s. (in Russian)
17. Егоров К.Ф. Система советского права и перспективы развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. №8. С. 55-57.
Egorov K.F. Sistema sovetskogo prava i perspektivy razvitija. «Kruglyj stol» zhurnala «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. №8. S. 55-57. (in Russian)
18. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. №7. С. 5-16.
Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. Jekonomicheskoe pravo kak megaotrasl' rossijskogo prava: ego predmet i sistema // Gosudarstvo i pravo. 2015. №7. S. 5-16. (in Russian)
19. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право: сравнительно-правовой анализ Германии, Франции, Китая и России // Государство и право. 2014. №9. С.53-64.
Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. Jekonomicheskoe pravo: sravnitel'no-pravovoj analiz Germanii, Francii, Kitaja i Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2014. №9. S.53-64. (in Russian)
20. Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права. Автореф. дис. ...д.ю.н. М., 2014. 48 с.
Efimceva T.V. Mesto innovacionnogo prava v sisteme otraslej ros-sijskogo prava. Avtoref. dis. ...d.ju.n. M., 2014. 48 s. (in Russian)
21. Иванников И.А. Актуальные проблемы развития отраслей российского права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=149%3Apubl&catid=38&Itemid=77
Ivannikov I.A. Aktual'nye problemy razvitija otraslej rossijskogo prava // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=149%3Apubl&catid=38&Itemid=77 (in Russian)
22. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юридическая литература, 1961. 380 с.
Ioffe O.S., Shargorodskij M.D. Voprosy teorii prava. M.: Juridicheskaja literatura, 1961. 380 s. (in Russian)
23. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Изд-во "Мысль", 1972. 473 с.
Kerimov D.A. Filosofskie problemy prava. M.: Izd-vo "Mysl'", 1972. 473 s. (in Russian)
24. Кирсанов А.Р. Регистрационное право - формирующаяся отрасль современного российского права // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2001. №11. С. 60-66.
Kirsanov A.R. Registracionnoe pravo - formirujushhajasja otrasl' sovremennogo rossijskogo prava // Bjulleten' Ministerstva justicii Rossij-skoj Federacii. 2001. №11. S. 60-66. (in Russian)
25. Коваленко А.Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18433>
Kovalenko A.Ju. Kompleksnye otrasli prava na sovremennom jetape razvitija sistemy rossijskogo prava [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18433> (in Russian)
26. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 №124(1))
Koncepcija edinogo Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossij-skoj Federacii (odobrena resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugovol'nomu, arbitrazhnomu i processual'nomu zakonodatel'stvu GD FS RF ot 08.12.2014 №124(1)) (in Russian)
27. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. №2. С. 62-71.
Krasavchikov O.A. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: grazhdansko-pravovoj aspekt // Pravovedenie. 1975. №2. S. 62-71. (in Russian)
28. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т.1. М.: Статут, 2005.
Krasavchikov O.A. Sovetskaja nauka grazhdanskogo prava (ponjatje, predmet, sostav i sistema) // Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: V 2 t. T.1. M.: Statut, 2005. (in Russian)
29. Лившиц Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства // Советское государство и право. 1984. № 1. С. 26-32.
Livshic R.Z. Otrasl' prava – otrasl' zakonodatel'stva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1984. № 1. S. 26-32. (in Russian)
30. Литовка П.И., Литовка А.Б. Медицинское право – комплексная отрасль национального права России: становление, перспективы развития // Правоведение. 2000. №1. С. 80-83.
Litovka P.I., Litovka A.B. Medicinskoje pravo – kompleksnaja otrasl' nacional'nogo prava Rossii: stanovlenie, perspektivy razvitija // Pravovedenie. 2000. №1. S. 80-83. (in Russian)
31. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 205-216. (in Russian)
Mavrin S.P. O roli metoda pravovogo regulirovanija v strukturirovanii i razvitii pozitivnogo prava // Pravovedenie. 2003. № 1. S. 205-216.
32. Мишкевич А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. 1967. Вып. 11. С. 3-24.
Mickeyevich A.V. Sootnoshenie sistemy sovetskogo prava s sistemoj sovetskogo zakonodatel'stva // Uchenye zapiski VNIISZ. 1967. Vyp. 11. S. 3-24. (in Russian)
33. Мозолин В.П. Система российского права (доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. №1. С. 107-113.

- Mozolin V.P. Sistema Rossijskogo prava (doklad na vserossijskoj konferencii 14 nojabrja 2001 g.) // Gosudarstvo i pravo. 2003. №1. S. 107-113. (in Russian)
34. Мохов А.А. Медицинское право – самостоятельная отрасль российского права // Право и политика. 2002. №8. С. 128-138.
Mohov A.A. Medicinskoe pravo – samostojatel'naja otrasl' Rossijskogo prava // Pravo i politika. 2002. №8. S. 128-138. (in Russian)
35. Павлов И.В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. №11. С. 3-18.
Pavlov I.V. O sisteme Sovetskogo socialisticheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1958. №11. S. 3-18. (in Russian)
36. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Дис. ... д.ю.н. Саратов, 2015. 505 с.
Petrov D.E. Differenciacija i integracija strukturnyh obrazovanij sistemy Rossijskogo prava. Dis. ... d.ju.n. Saratov, 2015. 505 s. (in Russian)
37. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71-79.
Polenina S.V. Kompleksnyje pravovye instituty i stanovlenie novyh otraslej prava // Pravovedenie. 1975. № 3. S. 71-79. (in Russian)
38. Попондопуло В.Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Правоведение. 2002. №4. С. 78-101.
Popondopulo V.F. Sistema obshhestvennyh otnoshenij i ih pravovye formy (k voprosu o sisteme prava) // Pravovedenie. 2002. №4. S. 78-101. (in Russian)
39. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М. -Л., 1947. 282 с.
Rajher V.K. Obshhestvenno-istoricheskie tipy strahovanija. M. -L., 1947. 282 s. (in Russian)
40. Рубанова Н.А. Медицинское право как новая отрасль права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. №4. С. 86-88.
Rubanova N.A. Medicinskoe pravo kak novaja otrasl' prava // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2010. №4. S. 86-88. (in Russian)
41. Рузанова В.Д. Гражданское право и гражданское законодательство как взаимодействующие системы // Вестник СамГУ. 2013. №5 (106). С. 216-223.
Ruzanova V.D. Grazhdanskoje pravo i grazhdanskoje zakonodatel'stvo kak vzaimodejstvujushhie sistemy // Vestnik SamGU. 2013. №5 (106). S. 216-223. (in Russian)
42. Сенников Н.М., Стремоухов А.В. Профсоюзное право как комплексная отрасль российского права // Правоведение. 2000. №5. С. 82-92.
Sennikov N.M., Stremouhov A.V. Profsojuznoje pravo kak kompleksnaja otrasl' Rossijskogo prava // Pravovedenie. 2000. №5. S. 82-92. (in Russian)
43. Соловьев С.Г. К вопросу о комплексности предмета и о методах муниципальной отрасли права // Конституционное и муниципальное право. 2011. №9. С. 17-20.
Solov'ev S.G. K voprosu o kompleksnosti predmeta i o metodah municipal'noj otrasli prava // Konstitucionnoje i municipal'noje pravo. 2011. №9. S. 17-20. (in Russian)
44. Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2005.
Syrjx V.M. Metodologija juridicheskoj nauki: sostojanie, problemy, osnovnye napravlenija dal'nejshego razvitija // Metodologija juridicheskoj nauki: sostojanie, problemy, perspektivy: Sb. st. Vyp. 1 / Pod red. M.N. Marchenko. M., 2005. (in Russian)
45. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. №1. С. 42-55.
Tolstoj Ju.K. O teoreticheskix osnovah kodifikacii grazhdanskogo zakonodatel'stva // Pravovedenie. 1957. №1. S. 42-55. (in Russian)
46. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1999. 448 с.
Tosunjan G.A., Vikulin A.Ju., Jekmaljan A.M. Bankovskoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod obshh. red. B.N. Topornina. M.: Jurist#, 1999. 448 s. (in Russian)
47. Труханова Э.Ф. Институализация медицинского права в качестве самостоятельной отрасли: теоретико-правовой анализ // Медицинское право. 2011. №2. С. 7-12.
Truhanova Je.F. Institalizacija medicinskogo prava v kachestve samostojatel'noj otrasli: teoretiko-pravovoj analiz // Medicinskoe pravo. 2011. №2. S. 7-12. (in Russian)
48. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 348 с. (in Russian)
Halfina R.O. Obshhee uchenie o pravootnoshenii. M.: Juridicheskaja literatura, 1974. 348 s.
49. Шебанов А.Ф. Система отраслей законодательства: основания построения // Правоведение. 1976. №4. С. 15-25.
Shebanov A.F. Sistema otraslej zakonodatel'stva: osnovanija postroenija // Pravovedenie. 1976. №4. S. 15-25. (in Russian)
50. Ювенальное право: Учебник для вузов / А.А. Анисимов, С.А. Буданов, В.Ф. Воробьев и др.; под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2005. 317 с.
Juvenal'noje pravo: Uchebnik dlja vuzov / A.A. Anisimov, S.A. Budanov, V.F. Vorob'ev i dr.; pod red. A.V. Zarjaeva, V.D. Malkova. M.: Justicinform, 2005. 317 s. (in Russian)
51. Ямпольская Ц.А. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 94-97.
Jampol'skaja C.A. Sistema Sovetskogo prava i perspektivy ee razvitija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 6. S. 94-97. (in Russian)